Несколько недель спустя в Нордванте поздней осенью выдался редкий теплый день. Роэнгрин приказала широко распахнуть окна и прибраться в покоях. Меж тем она проводила время с Гертой и Аделаидой в оранжерее.

Аделаида, единственная дочь маркиза Дорна среди его многих сыновей и жена старшего брата Роэнгрин Вернера. Она усердно изучала управление внутренними делами семьи у Роэнгрин с тех пор, как вышла замуж прошлой весной.

Спустя некоторое время Аделаида издала негромкое восклицание, заметив, что бумага с надписью Роэнгрин загорелась.

Оказалось, что элементаль, которого Роэнгрин отправила за Дитрихом, вернулся.

Роэнгрин, заметившая это, по очереди неловко переглянулась с Гертой и Аделаидой. Аделаида также знала о способностях Роэнгрин. Однако она не решалась показать им содержание послания, поскольку не знала, что оно может содержать, особенно учитывая риск утечки информации к Вернеру.

Две женщины, поняв желание Роэнгрин побыть наедине, обменялись взглядами. Аделаида заговорила с улыбкой, нарушив тишину:

—Кажется, мы сидим уже довольно долго. Тело немного затекло. Как насчет вас, леди Роэнгрин?

—Я думала прогуляться по саду, раз уж погода выдалась хорошая. Леди Роэнгрин, можем мы ненадолго оставить вас одну?

«Спасибо. Это не займет много времени».

Роэнгрин поднялась и попрощалась с двумя женщинами, которые, в свою очередь, пожелали ей всего наилучшего. Вскоре Аделаида и Герта покинули оранжерею, взявшись за руки, и направились по тропинке.

Тем временем маленький огненный шар увеличился в размерах, приняв форму ястреба-перепелятника. Элементаль, опустив голову, выплюнул из клюва угольки и что-то отрыгнул. Маленький круглый предмет ударился о стол, издав металлический звон.

Это была золотая пуговица. Роэнгрин прищурилась и взяла пуговицу. На лицевой стороне был выгравирован замысловатый узор в виде змеи, свернувшейся в форме восьмерки. Изящная чешуя змеи была тщательно проработана, а два ее глаза сверкали алыми драгоценными камнями. На ней был изображен герб Дома Гидеонов.

Роэнгрин рассеянно перевернула пуговицу. На обратной стороне было выгравировано имя.

«Винсент?»

Роэнгрин нахмурилась и внимательно осмотрела пуговицу с двух сторон. Без сомнения, это принадлежало дому Гидеон. Столь изысканно сделанные вещи нельзя изготовить где попало; к тому же, их можно оценить по-настоящему дорогу. Более того, в качестве своего рода удостоверения личности их производство и контроль были строгими.

«Был ли в доме Гидеона кто-то по имени Винсент?»

Она попыталась вспомнить всех членов дома Гидеон — Юрген, Дитрих, Альриче, Дирк, Вальтер и многие другие... но она не смогла вспомнить, кто-то по имени "Винсент. В этот момент молчаливая жар-птица положила перед Роэнгрин лист бумаги. Когда девушка перевела на него взгляд, медленно появились огненные символы.

Сын Рене Арент фон Бендельман, 5 лет.

Имя Рене Арент Роэнгрин слышала ранее. Матери Дитрих, герцогине Резервальт, нравилось спонсировать различных художников. И в последнее время ее самой любимой художницей была не кто иная, как Рене.

Роэнгрин доводилось встречаться с ней однажды, во время визита в Гидеон прошлым летом. Тогда герцогиня пригласила ее. В то время Дитрих лично познакомил Рене с Роэнгрин. Он упомянул, что герцогиня обожала художника и, по счастливой случайности, она была там, чтобы показать несколько своих картин….

Пока Роэнгрин копалась в своих воспоминаниях, на ее лбу образовались морщинки. Откуда у сына этой женщины пуговица с гербом дома Гидеон? Затем, словно ожидая, на бумаге снова начали появляться слова.

Каштановые волосы, зеленые глаза.

Резиденция на улице Дона, 6-й округ Берна.

Лицо Роэнгрин мгновенно застыло. И у герцога Ротовальт, и у Дитриха были каштановые волосы и зеленые глаза.

«Этого не может быть».

Роэнгрин бессознательно сжала пуговицу. Мана в воздухе беспокойно извивалась. Она попыталась вспомнить, какое выражение было на лице Дитриха, когда он представлял Рене Арендт. Она не могла вспомнить отчетливо.

Картины Рене были невероятно пестрыми и насыщенными — стиль, который не нравился Роэнгрин. Потому она не обратила особого внимания на похвалу Дитриха художнице.

Однако она могла вспомнить лицо этой женщины. Первое впечатление было довольно неприятным. Сначала она подумала, что женщина в точности похожа на свое произведение искусства. Яркие волосы медового цвета и невинные, искрящиеся розовые глаза.

В то время женщина довольно долго бестактно глазела на Роэнгрин, даже не поздоровавшись. В этом не было ничего необычного. Люди, впервые увидевшие Роэнгрин, часто бесцельно смотрели, прежде чем прийти в себя.

Однако ее взгляд казался иным. От него веяло неприятным чувством, которое трудно выразить словами. Пока Роэнгрин раздраженно хмурила брови, Рене наконец поприветствовала ее неловкой улыбкой.

Позже, когда Роэнгрин последовала за Дитрихом в гостиную, чей-то настойчивый взгляд впился в ее спину, возрождая тревожное чувство.

«Что-то в этом мне не понравилось, но… возможно…»

Она была готова утверждать, что что-то не так.

http://tl.rulate.ru/book/105265/3752484